

ПРОЛОГ

— Лёва выйдет?

Мальчишеский голос вырвал Ивана Борисыча из дремы.

— Что? Какой Лёва?

Приснилось, будто на улице февраль, а Иван Борисыч не закрыл окна: за несколько минут в квартиру намело снега, который таял рыжими кляксами вдоль батарей, на подоконниках, на диване и даже на телевизоре.

Но на самом деле сейчас подбирался конец июля, оглушительная жара — такого душного лета Иван Борисыч не помнил давно. Кондиционер не справлялся, приходилось открывать окна, чтобы вечерняя прохлада хотя бы немного вытесняла жар из квартиры.

— Нам бы Лёву! — звонко крикнули с улицы.— У нас клюшки есть, пусть шайбу захватит! И гвозди!

Старенькие электронные часы на телевизоре показывали половину второго ночи. Гулять в такое время?

Или это туристы, решил Иван Борисыч. На юге каждое лето так: с мая по сентябрь не продохнуть от приезжих. Шляются на море, по

кафе и ресторанам, устраивают полуночные посиделки на лавочках и в парках. Музыка из колонок, а еще караоке, гитары, пьяные песни. Наплёвать им на всех и вся.

Он прислушался к темноте, к улице. Если сейчас музыку врубят — пойдет ругаться. Где-то в шкафчике в коридоре лежала бумажка с телефоном участкового.

В квартире было темно и пусто. Иван Борисыч частенько засыпал в кресле перед телевизором (автовыключение — чудо техники!), а уже среди ночи перебирался в спальную комнату. Иногда так и просыпался с утра в кресле, с затекшей шеей, скрюченный в три погибели. Давно уже не молодой и не пряткий.

— Где же Лёва? — мальчишеский голос разорвал тишину. Что-то звонко ударилось о стекло.

Иван Борисыч вздрогнул от неожиданности. Остатки дремы стерлись.

— Что за бред? — проворчал он, поднимаясь. Нащупал тапочки, неторопливо и даже с опаской подошел к окну.

На улице через дорогу горел фонарь. Под фонарем кто-то стоял. Невысокого роста, подросток — пухлый и со странной вытянутой головой. С пятого этажа особо не различить подробности. Может, наркоман какой? В их районе кто только не водился в последнее время.

— Лёву позовите! — крикнул подросток, едва Иван Борисыч выглянул.

Захотелось тут же отпрыгнуть обратно вглубь квартиры, а еще лучше — закрыть окна, шторы, спрятаться... Что за глупости?..

— Нет здесь никакого Лёвы,— крикнул Иван Борисыч, злясь на себя за минутный испуг.

— Как же нет? А разве тот жирный, который поезд пассажирный, больше здесь не живет? — Подросток рассмеялся.— Позовите его погулять, пожалуйста. Мы ненадолго!

— Вали отсюда,— пробормотал Иван Борисыч. Он вдруг вспомнил, о каком Лёве идет речь.

Увидел, что в свете фонаря мелькают белые хлопья, будто с неба сыплет снег. В конце июля на побережье Черного моря.

Парень сделал несколько шагов, выходя из тени. Земля вокруг него — и это тоже было хорошо видно с пятого этажа — покрылась густым серебристым инеем.

Парень был одет в пухлую зимнюю куртку.

И еще эта его странная шляпа...

— Раз не зовете, я сам найду, хорошо? — спросил парень весело и громко.— Мне просто Лёва нужен. Ничего личного!

Иван Борисыч отшатнулся от окна, задернул шторы и стал пятиться до тех пор, пока не уперся в кресло. В квартире неуловимо быстро холодало. Ламинат на полу с легким треском покрывался льдом.

В дверь постучали.

— У нас гвозди есть! — сказали из-за двери.— Откройте же, ну.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава первая

1

Таксисты набросились на Лёву Выхина, как голодные собаки. Он всегда о них так думал: одинаково наглые, лохматые, агрессивные и неразборчивые. Ну откуда, скажите, у него могут быть деньги на такси? Посмотрите на эти линялые джинсы, потрепанные туфли с облупившимся на носках дерматином, на старый армейский вещмешок, давно не чесанные волосы и грубую щетину, которая несколько дней не видела бритвы. Определенно нет.

— Меня ждут! — торопливо бормотал Выхин, хотя его, конечно же, никто не ждал. Сработало чувство какой-то провинциальной неловкости.— Дайте пройти, ну же.

Он проскользнул между стеклянных дверей вокзала и тут же вляпался в удушливую августовскую жару. Тяжелый воздух будто заталкивал его обратно, под кондиционеры, пусть и к таксистам, но зато в прохладу. Выхин разом вспомнил, как уезжал из этого крохотного южного городка в двухтысячном году — тоже в августе, на изломе лета — забрался с мамой в вонючий районный автобус и укатил сначала в Адлер, а оттуда самолетом в Москву.

Тогда тоже было нестерпимо жарко, ломило в висках и сохло во рту. Еще он надеялся никогда больше не возвращаться, но, как это часто бывает, обманывал сам себя.

Справа за забором растянулись змейками старые вагонные составы, а сразу за ними вспучились изумрудные волны холмов. Они тянулись до горизонта, где-то далеко сливаясь с голубым до прозрачности небом. Выхин невольно залюбовался. Природа на юге ему нравилась, было в ней что-то свободное, широкое, как человеческая душа. Не чета московским паркам и скверикам. Под этим небом, в этой зелени хотелось не просто существовать, а именно жить, как положено. Жаль, что не получилось.

Он зашагал по ребристой плитке, вытирая потевшее лицо тыльной стороной ладони. По памяти, почти не поднимая головы, дошел до автобусной остановки. На металлической лавочке сидели две старушки.

— Сколько сейчас до центра? — спросил у них Выхин.

Яркое солнце слепило, хотелось зажмуриться и вовсе не открывать глаз.

— Сорок рублей. Это до Королёва. Если до Пионерской, то сорок пять. Водителю заранее говорить надо, — сказала одна из старушек, разглядывая Выхина из-под очков. — Пешком за тридцать минут дойдешь.

Он поблагодарил и действительно пошел пешком. Сначала стесняясь, запустив руки глубоко в карманы (вдруг кто заподозрит, что у него нет денег), затем решительнее. Впрочем, жара не давала идти быстро и долго. Силы

скоро кончились. Выхин пропотел насквозь и стащил через голову футболку.

Городок незаметно вырос вокруг, появились жилые дома, вихляющие улочки, магазины, торговые центры и палатки. Автомобилей стало больше, как и людей. Прибавилось шума. Где-то играла музыка, а фонтан на площади у местного дома культуры обступила толпа. Визжали радостные дети, пахло шашлыком и шаурмой, еще сигаретным дымом и почему-то окрошкой.

Выхин тоже подошел к фонтану, умылся, сбрасывая на несколько минут въедливый жар. На дне фонтана сверкали монетки. Люди приезжали в город со странным названием Псыуфше, чтобы искупаться в Черном море, покататься на аттракционах, съездить в лес. Людям тут нравилось. Еще не душный застроенный Сочи, но уже не какая-нибудь мелкая станица, которых полно вдоль побережья. Поэтому монетки кидали все кому не лень, чтобы вернуться. Выхин отстраненно подумал, что можно наловить пару сотен на ужин, если что. Хотел залезть прямо сейчас, но вовремя себя одернул.

Городку недавно стукнуло двести лет, он прятался в котловане, окруженном холмами, и только на западе выползал к морю. Из-за низины тут было прохладнее, чем в Сочи, но температура летом все равно редко опускалась ниже тридцати пяти. Сейчас жарило за сорок. Отвыкший Выхин страдал.

Он обогнул площадь, свернул по знакомому тротуару к пятиэтажным домам-«хрущёвкам», которые образовывали здесь небольшие самобытные районы. Отметил про себя, что тут-

то как раз почти ничего вокруг не изменилось за девятнадцать лет. Разве что деревьев стало меньше, появились какие-то малоэтажные новостройки, огороженные заборчиками, магазины и кафе; детский сад вон построили на том месте, где в конце девяностых было самодельное футбольное поле. И конечно, как и везде, сильно прибавилось автомобилей. Они наполнили на газоны, тротуары и детские площадки, забивали дороги и площадки возле подъездов.

Ноги сами несли Выхина по правильному маршруту, он почти не задумывался, куда идет, а только смотрел по сторонам и сравнивал прошлое с настоящим, будто накладывал друг на друга две фотографии. Прошлое ожидаемо было черно-белого цвета с этакой мелкой рябью и заплывшими уголками, а настоящее походило на глянцевую рекламу из телевизора: отовсюду лилась музыка, светились вывески, подмигивали фарами автомобили и сверкали телефонами прохожие.

Щербатый плиточный тротуар, из которого местами торчали пучки травы, неожиданно закончился, Выхин обогнул кирпичную котельную и оказался перед знакомым подъездом.

Вот тут уже воспоминания накиннулись без стеснения. Где-то на уровне запахов, движения теней, преломления света Выхин почувствовал легкий дискомфорт, огляделся. Показалось, что рядом звонко засмеялись подростки, звякнули бутылки, что-то хрустнуло — будто резко сломали старую гнилую доску о колено. Густые кусты шиповника за оградкой под окнами первого этажа зашевелились. Оттуда

вышел жирный черный кот и, облизываясь, вперился в Выхина взглядом.

— Чего тебе? — спросил Выхин, нервно теребя футболку пальцами.— Пошел прочь, кыш.

Кот не реагировал. Он наблюдал за тем, как Выхин поднялся на крыльцо, и только после этого запрыгнул на скамейку и растянулся на ней, облизывая блестящий бок.

Выхин же дернул на себя входную дверь и сообразил, что та заперта. Ясно же, в двадцать первом веке больше не бывает дверей без замков. Это в двухтысячном можно было спокойно зайти в любой подъезд, посидеть на батарее у лестницы, покурить и выжечь кнопки лифта спичками. Времена изменились.

Снова показалось, что за спиной хихикнули в унисон сразу несколько мальчишеских голосов. Выхин рефлекторно сжал кулаки, но не повернулся. Как-то стайка пацанов во главе с Дюхой Капустиным подкараулили его прямо здесь, на крыльце, и швырнули в спину два шарика, наполненные синей краской.

«Жирный пончик, дай талончик!»

После того случая его еще пару недель называли во дворе пирожком с повидлом. Но это была не самая обидная кличка.

Домофон неожиданно запиликал, дверь открылась, и на улицу из подъезда вышла полная женщина в белом сарафане и с покрасневшимися щеками. Она волокла за руку девочку лет четырех. Выхин торопливо попробовал протиснуться в образовавшийся проем. Женщина преградила путь.

— Мужчина, вы куда? — спросила она, оглядывая Выхина с ног до головы. Запоминала на всякий случай. Еще бы, при его нынешней внешности любой бы осторожничал.

— К Коропову, Иван Борисычу, из сорок девятой,— буркнул Выхин.

Девочка тоже внимательно его разглядывала, при этом указательным пальцем старательно ковыряясь в носу.

— Коропов Иван Борисыч умер,— сказала женщина.— Две недели назад. Вы как-то припозднились.

— Умер? — растерялся Выхин.— Погодите... Я ему писал не так давно. Предупреждал, что приеду.

— Не дождался, бывает.— Женщина звонко хлопнула девочку по руке, не сводя с Выхина глаз.— Мы не знакомы случайно? Не могу вспомнить.

— Я здесь жил много лет назад. Недолго. Иван Борисыч мой отчим.

— А Оля, что ли, ваша мать? — Женщина сухо улыбнулась.— Вы Лёва, я поняла. Ну, извините, что принесла дурные вести. Боюсь, никто вас тут встречать не будет.

Она, наверное, хотела добавить что-нибудь про блудного сына. Выхин нутром чувствовал. Но женщина промолчала и стала спускаться по ступенькам.

Выхин дождался, пока женщина удалится по тротуару в сторону сквера, и после этого нырнул в прохладу подъезда. Там, у рядков почтовых ящиков, он прислонился к стене и закрыл глаза.

Мелкие мысли суетились, как встревоженная мошкара в знойном воздухе.

Умер, значит.

Мама тоже умерла, но шесть лет назад. Выхин узнал об этом из телеграммы, которую прислал отчим. Телеграмма дошла чудом, поскольку Выхин часто менял места жительства, носился по стране с одной съемной квартиры на другую, как беглец, спасающийся от кошмаров. Телефона он не имел, в силу совершенно безобразной привычки, а потому отставал от современного темпа жизни все больше и больше. Прочитав тогда о смерти матери, Выхин хотел тут же купить билеты на поезд, приехать, помочь с похоронами, но в последний момент сорвался в крутое пике очередного переезда и обо всем забыл.

Много позже проявилось чувство вины, но Выхин отмахивался от него раз за разом, до того момента, пока действительно не возникла нужда приехать.

Он поднялся неторопливо на пятый, верхний этаж, потоптался у сорок девятой квартиры. Дверь была оббита старым дешевым дерматином, который местами потрескался, а местами выцвел. Гвоздики, когда-то блестящие позолоченными шляпками, теперь потускнели и большей частью заржавели.

Подчиняясь внутреннему порыву, Выхин вдавил кнопку звонка, послушал длинную глухую трель внутри квартиры. Показалось, что раздался шорох тапочек, кто-то подошел с обратной стороны. Вроде бы мигнула тень в дверном глазке. Но на самом деле, конечно же,

никого там не было. Выхин потоптался с полминуты на драном резиновом коврике, спустился обратно к почтовым ящикам, но не вышел, а остановился у двадцать седьмой квартиры.

В жизни всегда нужен последний шанс. Вернее, очень хочется верить, что такой шанс существует. Иначе зачем вообще жить?

Он нажал на звонок, затем тут же робко постучал согнутым пальцем. Несколько секунд прислушивался. По всему выходило, что ночевать ему придется в сквере неподалеку, потому что последние деньги ушли на поезд, а монеток в фонтане — даже если он наберется храбрости и полезет за ними — едва ли хватит на самую дешевую комнату в каком-нибудь домике у побережья.

— Вам кого? — неожиданно спросили из-за двери.

Голос был девчачий, молодой. Выхин вспомнил Аллу, которая жила здесь, в двадцать седьмой, с родителями девятнадцать лет назад. Алла была худенькая, остроносая, скуластая. Никак не могло быть, чтобы Алла осталась в том же возрасте и стояла сейчас за дверью. Правда же?

Он тряхнул головой, собираясь с мыслями. Это все проклятая южная жара. От нее сознание плавилось, как сыр на сковородке. Нужно скорее к морю, нырнуть несколько раз, остудиться. Иначе совсем ум за разум зайдет.

— Я из сорок девятой,— сказал Выхин, переминаясь с ноги на ногу.— Жил тут раньше. Отчим... то есть Иван Борисыч, обычно оставлял вам запасные ключи. В случае чего. Вот я и подумал, вдруг у вас до сих пор...